

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПОВТОРА В «ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО» (XIII в.)

Елена Ильдаровна Аюпова

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры филологии Казанской православной духовной семинарии (Россия)

eaupova@yandex.ru

DOI: 10.55398/27826066_2022_1_189

Аннотация. В работе исследуется роль повтора как важнейшего художественного средства в средневековых текстах на примере «Жития Александра Невского», созданного в XIII столетии. Рассмотрены фонетический, словообразовательный, лексический, морфологический, синтаксический виды повторов. Выявлены функции повтора на уровне текстопостроения и создания центрального образа святого князя Александра.

Ключевые слова: древнерусский текст, «Житие Александра Невского», XIII век, текстопостроение, повтор.

Для цитирования: Аюпова Е. И. Текстобразующая функция повтора в «Житии Александра Невского» (XIII в.) // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022.. № 1. С. 189–196.
DOI: 10.55398/27826066_2022_1_189

THE TEXT-FORMING FUNCTION OF REPETITION IN THE LIFE OF ALEXANDER NEVSKY (XIII cent.)

Elena Ildarovna Ayupova

PhD in Philology, Assistant Professor at the Department of Philology of the Kazan Orthodox Theological Seminary (Russia)

eaupova@yandex.ru

DOI: 10.55398/27826066_2022_1_189

Abstract. The paper explores the role of repetition as the most important artistic means in medieval texts at the example of the «Life of Alexander Nevsky», created in the XIII century. Phonetic, word-formation, lexical, morphological, syntactic types of repetition are considered. The functions of repetition at the level of text construction and creation of the central image of the Holy Prince Alexander are identified.

Keywords: Old Russian text, «The Life of Alexander Nevsky», XIII century, text construction, repetition.

For citation: *Ауцурова Е. И.* The Text-Forming Function of Repetition in the Life of Alexander Nevsky (XIII cent.) // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. Pp. 189–196. DOI: 10.55398/27826066_2022_1_189

Во второй половине XIII в. появилась на свет «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра, или Повесть о житии Александра Невского», известная в различных редакциях. Считается, что она была написана между 1263-м и 1280-ми гг. в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы во Владимире — месте погребения святого благоверного князя Александра Невского. Автором жития был книжник из окружения митрополита Кирилла или сам митрополит Кирилл. По жанровой принадлежности этот текст совмещает житие святого и воинскую повесть, как совмещались эти две ипостаси (святого и полководца) и в самом святом Александре.

Будучи талантливым произведением древнерусской письменности, «Повесть» насыщена типичными для средневековой литературы риторическими приемами, которые восходят к самым разным первоисточникам — Священному Писанию, византийской гимнографии, древнерусскому фольклору, агиографии, переводным и оригинальным воинским повестям (например, «Александрия», «Летописец Даниил Галицкий») и пр. Одним из ключевых средств создания выразительности языка повести служит повтор в самых разных его вариантах, который пронизывает весь текст и организует повествование на различных языковых уровнях.

Повторам, их происхождению и роли в средневековых произведениях посвящено немало исследований. Е. М. Мелетинский подчеркивал, что «повторы — древнейшая черта фольклора, связанная в генезисе и с наличием ритма, и с верой в магическую силу слова» [Мелетинский

1986]. О разнообразных типах повторов в средневековых текстах идет речь в диссертации В. В. Тимохина [Тимохин 2000]. Исследовательница из Чернигова С. М. Шумило убедительно доказывает, что «оригинальные <...> произведения древнерусской литературы заимствуют повтор как фигуру речи из богослужебных произведений и используют ее так же, в тех же контекстах, что и древние гимнографы» [Шумило 2021: 92–101].

Действительно, повтор, как известно, регулярно встречается в средневековой литературе разных народов и, по всей видимости, не только является наследием более ранних текстов (особенно фольклорных) и применяется по сложившейся традиции, но и органично вписывается в средневековое мировоззрение, соответствует ментальности эпохи, религиозно-философской картине мира, одной из важнейших особенностей которой был символический взгляд на жизнь человека и исторические события. Именно необходимость указать на символический подтекст художественного образа вызвала в большинстве случаев появление структурных повторов в виде синтаксических параллелей библейских аллюзий. Стремление выделить слово-символ приводило к обилию лексических, синонимических, морфемных повторов. Покажем некоторые особенности средневекового повтора на примере «Повести о житии Александра Невского» [Повесть о житии Александра Невского 1985: 120–135].

Не будучи произведением поэтическим, «Повесть», однако, содержит намеки на фонетические повторы, создающие звукопись. Так, реалистичность в описании видения стражника Пелугия достигается в том числе за счет нагнетания шипящих, передающих движение насадов по морю и эхом откликающихся в причастиях: «...слыша шюмъ страшень <...> насадъ единъ гребуць <...> стояща святая мученика <...> руки дрѣжаща на рамѣх», в то время как мистицизм происходящего подчеркивается по контрасту концентрацией «бесплотных» гласных в характеристике таинственных гребцов, которые были «акы мглюю одѣани» [Там же: 122].

В определенной мере близки к фонетическим повторы словообразовательные: нанизывание одинаковых морфем и их вариантов также помогает и воплотить некую идею, и нарисовать образ: например, употребление дериватов с префиксом въз/въс (имеющим семантику движения наверх) нередко связано в тексте с сакральными моментами, когда человек обретает связь с Творцом. Так, и видение стражника (который «въсприя святое крѣщение»), и Ледовое побоище маркированы восходом солнца («и яко

же нача възходити солнце», «въсходящю солнцю»), символизирующим помощь Божию. Сам князь, укрепившись молитвой, пошел на Невскую битву «въ день възскресения» и «самому королю възложи печать на лице». Перед битвой на Чудском озере он молился, «воздѣвъ руцѣ на небо», ему помогал «полкъ Божий на въздусѣ», и «возвратися князь Александръ с побѣдою славною» [Там же: 122–124].

Как морфемный повтор можно квалифицировать и характеристику мудрых правителей с финалью -любец: святой князь Александр «родися от отца милостилюбца и мужелюбца» [Там же: 120] и сам был «иерѣлюбецъ и мьнихолубецъ и нищя любя» [Там же: 126]. Находясь в начале и конце текста, эти характеристики явственно перекликаются и свидетельствуют о преемственности между отцом и сыном в христианских добродетелях.

Важно отметить, что морфемные повторы не столько концентрируются в одном месте, сколько становятся своеобразными скрепами для всего текста. К примеру, при описании древнего чуда действия ангела Господня связаны с префиксом из-: «внезапу изиде ангель Господень, изби и». И тот же префикс повторяется чуть позже в описании поступков святого князя: «Князь же Александръ воскорѣ иде и изверже град их из основания, а самих извѣша <...> изгна и немецъ изсѣче» [Там же: 123]. Обратим внимание, что повтор префиксов сопряжен здесь и с морфологическим повтором: в обоих описаниях перекликаются одинаковые аористные формы, обеспечивающие впечатление свершения славных воинских деяний. Таким образом, морфемный и морфологический повторы символически объединяют ангела и святого князя, чьи ратные подвиги становятся проявлением воли Божией.

Характерны для «Повести» и корневые повторы, восходящие, очевидно, к фольклорной стилистике: шведский король «посла слы своя», а старейшину Пелугия сподобил Бог «видѣти видѣние страшно», при победе Александра «обрѣтоша много множество избьеных от ангела Господня», западные захватчики «возградиша град въ отечствѣ Александровѣ», а царь Батый принял святого князя, «почъстивъ же и честно», и Сам Бог «человекомъ си щедра ущедряеть». Можно предположить, что корневые повторы, помимо воссоздания сказочно-былинной стилистики, усиливают смысл сказанного, аккумулируя семантику того или иного корня. Это яркое средство выразительности лежит в основе краткой и емкой «ратной» характеристики Александра: «побѣжая, а не побѣдимъ». В «Повести» обнаруживается и любопытный случай звукового анаграмматического повтора, который корневым не является, но близок к нему функциональ-

но. Завершая свой плач по Александру, рассказчик восклицает: «аще бы лъзѣ, и въ гробѣ бы лъзѣлъ с ним!» [Там же: 126].

Важную роль в тексте играют лексические и синонимические повторы, которые также концентрируют определенный смысл. Словесные повторы близки к корневым в их ориентации на народное творчество. Говорит некий Андрѣяшъ о князе Александре: «не видѣхъ таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя» [Там же: 121]. Лексические повторы могут скреплять и далеко друг от друга стоящие фрагменты текста. Например, оборот «чюдо дивно» описывает и деяния ангела Господня, и посмертное чудо святого князя: «бысть же в то время чюдо дивно» [Там же: 123] — «бысть же тогда чюдо дивно» [Там же: 127]. Благодаря тождественности обозначения эти явления воспринимаются как обусловленные единым первоисточником — волей Божией.

Нанизывание лексических и синонимических повторов становится основой для построения крупной текстовой единицы — ответа святого князя папским послан. Разделяя всю священную историю на знаковые периоды, святой Александр обозначает их границы то при помощи точных повторов слов («до потопа» — «от патопа», «до Христова рожества» — «от рожества Христова» и подобн.), то посредством синонимических замен: «до разделения языкъ» — «от размѣшениа языкъ», «до проитиа Иисраиля сквозе море» — «от исхода сыновъ Иисраилевъ» и т. п. Вероятно, в таком нанизывании можно видеть применение типичного для Средневековья приема амплификации, позволяющего эмоционально выделить названные события.

Именно синонимы позволяют усиливать впечатление («и събра силу велику <...> подвижеса в силѣ тяжцѣ»), синонимы и контекстуально синонимизирующиеся оценочные лексемы создают образ святого: «мужество» — «храборъство», «святое и честное и славное житие» и т. п. Синонимические повторы помогают выделить ключевые слова. Так, мистическое небесное вмешательство в ход битвы на Чудском озере подчеркивается повтором понятия «воздух» через употребление исконного и заимствованного синонимов: «видѣхъ полкъ Божий на въздусъ <...> побѣди я помощию Божиею <...> гоняще аки по иаеру» [Там же: 124]. Нагнетание контекстуальных синонимов позволяет автору передать народную скорбь при описании погребения святого Александра: «бысть же вопль, и кричание, и туга...» [Там же: 127].

Но наиболее важную в плане текстообразования функцию выполняют синтаксические повторы — идентичные по структуре конструкции (обычно сопряженные и с семантической близостью), передающие идею

символического единства описываемых событий. Синтаксический параллелизм традиционно используется в сравнительно-сопоставительных фрагментах средневекового текста при введении библейских аллюзий. Типичные примеры такого повтора мы находим и в «Повести»: «И сего ради нѣкто силенъ от Западныя страны <...> прииде, хотя видѣти дивный възрасть его, яко же древле царица Южичьская приходи к Соломону, хотящи слышати премудрость его» [Там же: 121]; «также и у князя Александра множество храбрых, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпции» [Там же: 124]; «помози ми, Господи, яко же древле Моисию на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на окааннаго Святополка» [Там же].

Стилистическими целями усиления выразительности объясняется структурный параллелизм описаний в изображении Ледового побоища: «и трусь от копий ломления, и звукъ от сѣчения мечнаго» [Там же]; видения Пелугия: «видѣвъ же таковое видѣние и слышавъ таковой глас от мученику» [Там же: 122]; анафоры в плаче по святом князе: «Како можеша написати <...> Како не упадета ти зѣници <...> Како же не урвется сердце твое...» [Там же: 126].

Особый вид повторов представляют собой конструкции, которые Д. С. Лихачев квалифицирует термином «стилистическая симметрия». Это типичный для средневекового мышления прием, характерный, в частности, для псалмов. Он заключается в смысловом повторе (не обязательно точном) одной мысли синонимическими средствами и часто выражен повторяющимися синтаксическими структурами. Именно такой пример из 34-го псалма, который «играл особую роль в мировоззрении и жизни святого князя Александра», мы находим в его устах: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ» (Пс. 34, 1–2). Действия Всевышнего, о которых умоляет псалмопевец, объединены попарно: в первой паре акцентируется противостояние Бога и противников просителя, во второй паре — идея защиты, при этом происходит своеобразное варьирование каждой идеи, выявление ее разных граней.

Аналогичные симметричные по смыслу конструкции мы обнаруживаем и в оригинальном тексте «Повести». Приведем несколько примеров [Там же: 125–126]: «благъ домочадцемъ своимъ и вѣнѣшнимъ от странъ приходящимъ кормитель» (варьируется идея милосердия святого князя); «Богъ <...> человекомъ си щедря ущедряеть и покажетъ на мирѣ милость

Свою» (варьируется идея милосердия Божия); «распространи же Богъ землю его богатствомъ и славою и удолъжи Богъ лѣтъ ему» (варьируется идея Божией милости ко святому князю); «митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки Самого Христа» (варьируется идея почтения к церковным иерархам). Подобные конструкции не только воспроизводят стилистику псалмов, но и передают особенности средневекового мировосприятия, позволяя развернутыми и внешне избыточными конструкциями (по сути — смысловыми повторами) акцентировать важные мысли.

Таким образом, в тексте «Повести о житии Александра Невского» обнаруживаются повторы разных типов и на различных языковых уровнях — от фонетического до синтаксического. Не возникает сомнения, что их наиболее значимые функции — создание художественной выразительности описаний и акцентирование ключевых понятий и идей, символических параллелей с библейской историей. Повторы становятся основой не только отдельных фрагментов, но и всего текста «Повести» как в формальном, так и в смысловом отношении, поэтому можно говорить и о метатекстовой, текстообразующей роли тех или иных рефренов.

Именно повторы позволяют через весь текст провести идею преемственности между святым Александром и его предшественниками — библейскими праотцами и пророками, святыми равноапостольными Константином и Владимиром, князем Ярославом-отцом и князем Ярославом-прадедом и т. п. Это ощущение цикличности истории при ее несомненной векторности, направленности не только к «правнучатам Александровым» [Там же: 124], но и к Страшному Суду находит выражение в языковых повторах. Нынешние события уже произошли когда-то и повторятся вновь, они символизируют знаковые вехи прошлого, в том числе негативные (например, предательство псковичей ассоциируется с предательством новозаветных евреев). Этот символизм миропонимания и выражают повторы, связывающие не просто слова в текст, но и исторические события в единую средневековую христианскую картину мира.

Источники

Повесть о житии Александра Невского // Воинские повести Древней Руси. Ленинград : Лениздат, 1985. С. 120–135.

Литература

- Василик В., диак. «И прииде в Неву, шатаясь безумием»: немцы и шведы в «Житии Александра Невского». [Электронный ресурс] // URL: <https://pravoslavie.ru/57907.html>.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Ленинград : Художественная литература, Ленинградское отд-ние, 1971. 415 с.
- Мелетинский Е. М. Эдда и ранние формы эпоса. Москва : Наука, 1968. 365 с.
- Тимохин В. В. Поэтика средневекового героического эпоса : повтор, антитеза, тропы. Дис. докт. филол. наук: 10.01.01 — русская литература. Москва, 2000. 440 с.
- Шумило С. М. Повтор как художественный прием в литературе стиля «плетение словес» : к вопросу о заимствовании гимнографических тропов // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Т. 43. 2021. № 3. С. 92–101.

References

- Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Ancient Russian literature]. Leningrad: “Khud. lit., Leningr. otd-nie” Publ., 1971. 415 p.
- Meletinskii E. M. *Edda i rannie formy eposa* [Edda and early forms of the epic]. Moscow: “Nauka” Publ., 1968. 365 p.
- Shumilo S. M. [Repetition as an artistic technique in the Literature of the “weaving of words” style: concerning the issue of borrowing hymnographic tropes] *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta*, 2021, vol. 43, no. 3, pp. 92–101.
- Timokhin V. V. *Poetika srednevekovogo geroicheskogo eposa: povtor, antiteza, tropy*. Dis. dokt. filol. nauk: 10.01.01 — russkaya literature [Poetics of the medieval heroic epic: repetition, antithesis, tropes. Dr. litt. sci. diss.]. Moscow, 2000. 440 p.
- Vasilik V., diak. «I priide v Nevu, shatayasya bezumiem»: nemtsy i shvedy v «Zhitii Aleksandra Nevskogo» [“And came to the Neva, staggering with madness”: Germans and Swedes in the Life of Alexander Nevsky]. Available at: <https://pravoslavie.ru/57907.html> (accessed 15.01.2021).